

ЗАМОКЪ

Журналъ крепостной, но освободительный, сверхъ-злободневный, архи-сатирический, анти-прокурорскій, редакторообильный, смѣхомъ и „вредными мыслями“ начиненный, поднадзорный и въ высшей степени неблагонадежный.

Въ каждомъ замкѣ есть замокъ — Подъ замкомъ сидитъ редакторъ.

С.-Петербургъ.

ЗАМОКЪ.

Милостивые Государи! Поговоримте о замкѣ! О замкѣ, а не о замкѣ, хотя и замокъ—тема очень интересная. Однако, къ дѣлу!

Когда я думаю о замкѣ, я представляю себѣ почему-то редактора, сидящаго въ глубокой задумчивости за семью замками. Казалось бы, мѣсто его вовсе не тамъ, за этими желѣзными замками, и нечего дѣлать ему въ маленькой комнаткѣ, съ маленькимъ окошечкомъ, подъ самымъ потолкомъ... и все же, сидитъ онъ тамъ и день, и ночь... Самъ ли онъ сѣлъ туда, посадилъ ли его кто—никто этого не знаетъ. Правда, ходятъ слухи, что его посадили... Но кто могъ посадить его? Конечно, не сотрудникъ, которому онъ платитъ деньги, и не подписчикъ, который самъ заплатилъ ему деньги и заинтересованъ въ томъ, чтобы редакторъ былъ на свободѣ и продолжалъ работать. Можетъ быть, посторонній человѣкъ? Но эту мысль я отвергаю съ негодованіемъ! Въ самомъ дѣлѣ, какое дѣло постороннему человѣку до дѣла, которое его вовсе не касается! Итакъ, редакторъ самъ посадилъ себя подъ замокъ! Ахъ, г. редакторъ, какъ это не хорошо съ вашей стороны! Вы сидите себѣ тамъ въ теплѣ, ни о чемъ не думаете, ничѣмъ не тревожитесь, а ваша жена и дѣтки остаются безъ обѣда, а они этого терпѣть не могутъ... Этакая досада!..

Такъ думаю я о замкѣ и о редакторѣ. И тутъ же, невольно вмѣсто „замокъ“ говорю „замокъ“, затѣмъ—„крѣпостной замокъ“, и получается картина, изображающая редактора, сидящаго подъ замкомъ въ крѣпостномъ замкѣ. Ахъ, какъ это хорошо! Стѣна высокая, а рядомъ съ нею другая стѣна, и обѣ каменные, такъ что въ пожарномъ отношеніи нѣтъ никакой опасности. Каждый день редакторъ гуляетъ, а чтобы ему не было скучно, къ нему приставленъ товарищъ, котораго зовутъ часовой, а чтобы редактора не похитили разбойники, г. часовой вооруженъ ружьемъ, которое стрѣляетъ безъ промаха...

Ахъ, господа, господа! а вы все еще недовольны!..

ПОДЪ ЗАМКОМЪ.

Я бы снова запѣлъ про любовь, про мечты, И о томъ, какъ гулялъ я съ сосѣдкой; Или, ставши врагомъ вновь людской суеты, Разразился бъ сатирою ѣдкой. Я бы... пѣлъ, если бъ только пѣть могъ... Но теперь... ужъ поэтъ я опальный: Мою Музу запрятали вдругъ подъ замокъ, Съ нею вмѣстѣ томлюсь я, печальный.

ПАРОДИЯ.

«Милый другъ, я умираю,
Оттого, что былъ я честенъ»...

Н. Добролюбовъ.

Милый другъ, я умираю,
Оттого, что былъ поэтомъ,
Пѣлъ любовь родному краю,
И голоднымъ былъ при этомъ...
Милый другъ, я умираю,
И не лавръ—моя награда,—
И тебѣ я завѣщаю:
Не пиши стиховъ,—не надо!..

Р. М.

ICU

Великое значеніе имѣетъ у насъ замокъ. Чуть кто пикнулъ—подъ замокъ. Не въ ту сторону поглядѣлъ—подъ замокъ. И все для порядку.

Увидитъ блюститель порядка (а они, эти блюстители видятъ всего человѣка насквозь, и при этомъ обязательно «въ сердцахъ людей читаютъ страницы злобы и порока»)—увидитъ, говорю, что человѣкъ не по настоящему думать собирается, сейчасъ его зашиворотъ и подъ замокъ.

Глядишь, порядокъ и навели.

Показали намъ разъ издали цѣлый возъ свободы. Люди обрадовались и давай кричать: дайте намъ эти свободы хоть въ рукахъ поддержать.

Ну, понятно, начальство разсердилось—и сейчасъ же посадило и публику и свободы подъ замокъ—до второго пришествія... То-есть, нѣтъ, виноватъ до Думы, которая соберется 27-го апрѣля, въ четвергъ, при томъ условіи, что обыватель будетъ себя вести благо-разумно и постарается „не разсуждать“. Необходимо также, чтобы въ этотъ день былъ дождикъ, ибо это традиціонный обычай, а у насъ обычаи свято соблюдаются.

Чуть было не забылъ!—раньше всего засадили подъ замокъ супруговъ—стыдъ и совѣсть—чрезвычайно надоедливую парочку.

Такъ вотъ посадили свободы и половину публики подъ замокъ и, замѣтьте, порядку сейчасъ больше стало.

ЧТО ЛЮДИ ГОВОРЯТЪ.

— И въ пустякахъ надо быть бережливымъ, сказалъ игрокъ, отправляясь въ клубъ, чтобы не жечь дома керосину.

**

— Съ дѣтства приучайся къ дѣлу, сказалъ редакторъ одной газеты своему годовалому сыну, давая ему вмѣсто игрушекъ ножницы и старья газеты.

**

— Семь разъ примѣрь, говорятъ дамы, заказывая себѣ новое платьѣ.

**

— Я пою, какъ птица въ лѣсу, сказалъ одинъ изъ панаевскихъ пѣвцовъ, охрипнувъ подобно воронѣ.

**

— Въ потѣ лица добывай свой хлѣбъ, сказалъ гость, отплясывая въ ожиданіи ужина.

[[По анонсу въ «Новомъ Времени».

— Итакъ, сударыня... «Красивая, молодая, богатая вдова»... Какъ велико ваше состояніе?

ВЪ РЕДАКЦИИ.

(Сценка).

Въ редакцію одного недѣльнаго журнала приходитъ молодой человѣкъ не старше 18 лѣтъ.

— Что прикажете? спрашиваетъ его редакторъ.

— Да вотъ... я написалъ небольшой разсказецъ... Потрудитесь принять...

— Покажите.

Юноша вынимаетъ изъ кармана объемистую, засаленную тетрадь и передаетъ ее редактору.

— А позвольте узнать, обращается редакторъ къ юношѣ, вы еще только начинаете?

— Нѣтъ ужъ кончаю, отвѣчаетъ тотъ съ улыбкой.

— Т.е., какъ-же такъ? изумляется редакторъ.

— Да видите-ли... я, признаться сказать, обходился съ этимъ разсказомъ уже въ редакціи, но нигдѣ его не приняли... Въ вашу редакцію иду въ послѣднюю.

ПОНИМАЙ, КАКЪ ЗНАЕШЬ!

Что ни шагъ, въ столицѣ
Строятся чертоги,
Все богаче городъ,—
Все труднѣй налоги...
И, пустыхъ чѣмъ больше...
Ты квартиръ встрѣчаешь,—
Тѣмъ цѣна дороже...
Понимай, какъ знаешь!

* *

Плачутъ журналисты,
Плачутъ и рыдаютъ,—
Для статей сюжетовъ
Вѣчно не хватаетъ...
Роковыхъ вопросовъ
Въ день не сосчитаешь,—
А сюжетовъ мало...
Понимай, какъ знаешь!

* *

Свѣдущіе люди
Сѣхались отвсюду:
«Сообща поможемъ
Бѣдному-моль люду...
Ты отъ пьянства, дескать,
Вовсе погибашь!..»
Гдѣ-жъ причина пьянства,—
Понимай, какъ знаешь!

* *

РАЗЛИЧНЫЯ ПОЛОЖЕНІЯ.

Сидящіе въ театрѣ въ ожиданіи поднятія занавѣса—находятся въ интересномъ положеніи.

Исключенные гимназисты—въ исключительномъ положеніи.

Авторы только что вышедшихъ книгъ—въ критическомъ положеніи.

Но все-же несравненно чаще обыватели попадаютъ въ положеніе обь усиленной охраны.

— Самое интересное и пріятное изъ всѣхъ.

ТРОЙНАЯ УТРАТА.

Клянусь судьбу съ укоромъ,
Я трехъ друзей лишился:
Одинъ на-дняхъ женился,
Другой сталъ прокуроромъ,
А третій „заключился“.

ВСЕОБЪЕМЛЮЩІЯ НАСТАВЛЕНІЯ

для дѣтей отъ 7 до 70 лѣтъ.

Въ краткихъ замѣткахъ.

1.—Почитайте, дѣти, и бойтесь всего остраго и рѣжущаго: бритвъ, ножей, старыхъ бабьихъ языковъ, гусарскихъ сабель, казачьихъ нагаекъ и пр. Особенно осторожно надо обращаться съ стальными перьями. Вѣдь стальныя перья глупы и пишутъ вовсе зря, ни о какихъ временныхъ правилахъ не думая. Бдите за нихъ, и благо намъ будетъ, и долготѣни будете на землѣ.

2.—Въ грамматикѣ различаются большія буквы и малыя, подобно тому, какъ и въ жизни различаются большіе скоты и малыя, большія взятки и малыя, большіе чины и малыя.

Передъ большимъ чиномъ надлежитъ и раскланиваться большою буквою. Посему слѣдуетъ писать: Генералъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ.

Надворный совѣтникъ и ниже пишется съ малой буквы, а статскій совѣтникъ—какъ-нибудь съ буквы средней величины.

Адмиралъ—все конечно, съ большой, ибо такому большому кораблю во всѣхъ отношеніяхъ большое плаваніе.

БРЫЗГИ.

Жена мужу-редактору, пострадавшему за свои остроты:

«Вѣдь сказала тебѣ я,
Ты не ѣшь грибовъ, Илья!
Ты не слушалъ, грибы кушалъ,
Такъ пеняй-же на себя!»

Онъ. Вы бы за кого подали голосъ, за «кадетовъ»? Она. Ахъ, нѣтъ, я уже теперь большая и, конечно, подала бы голосъ за офицеровъ.

КАКЪ МЫ ИЗДАВАЛИ ГАЗЕТУ.

(Записки секретаря).

Издавали это мы, знаете-ли, сатирическую газету. Дернулъ же какъ-то нечистый заняться такимъ сквернымъ дѣломъ.

Нечистый насъ дернулъ—и принялись мы чистить. Чистили, чистили—и все лицъ, выше насъ грѣшныхъ стоящихъ, да еще какъ выше-то!

Чистку производили генеральную. Сотрудники подобались—все народъ дерзкій и зубастый. Ну, а ужъ художникъ-карикатуристъ какъ принеся, бывало, какую-нибудь новую штучку—даже въ жаръ бросить.

Скажу правду, хоть я и человекъ бывалый, всякіе виды видалъ и большое знакомство среди тюремныхъ редакторовъ имѣю—все-жъ таки нашъ художникъ сильно меня пугалъ.

Чувствовалъ я—посадить онъ насъ всѣхъ въ пред-варилку.

И что-же? Сбылись мои опасенія. Побаловались мы, побаловались, выпустили три номера. Глядь, редактора нашего схватили, мигомъ допросили, осудили, посадили—и кончено дѣло.

Послѣ того предложили мнѣ № подписать. Ну, чтожъ, дѣло житейское—кому не приходилось товарищей выручать: подписалъ я корректуру, хотѣлъ было оглянуться на сосѣдній столъ, гдѣ у меня всегда стаканъ чаю стоитъ—и... не успѣлъ...

Да, такъ-таки, оглянуться не успѣлъ, какъ выр-сло передо мной тюремное окошечко,

вдоль пять шаговъ, три поперекъ—
и сводъ надъ головой,
дверь запертая на замкахъ,
за дверью—часовой.

Теръ я себѣ глаза, пробовалъ щипать себя—нѣтъ, не сонъ это, не сонъ, а русская дѣйствительность.

И понялъ я, что конецъ всѣмъ моимъ благопріобрѣтеннымъ свободамъ, понялъ и, каюсь, заплакалъ.

Вдругъ—стукъ, стукъ, стукъ... слышу. Притихъ я, насторожился... Снова—стукъ, стукъ, стукъ—да часто такъ, часто.

Незадолго до того мы какъ-то шутя, на редакціонной вечеринкѣ, учились стучать.

Вспомнилъ я эти уроки, принялся записывать и—о радость! Ясно, отчетливо услышалъ въ этомъ торопливомъ стукѣ—имя, отчество, фамилію—кого же?—нашего редактора.

Подбѣгаю къ стѣнѣ, стучу—вы, Евгений Ивановичъ?

— Я самый, отвѣчаетъ. А вы кто?

Сообщилъ ему. Обрадовался и онъ; принялись мы съ нимъ болтать. Ужъ какъ рады были—не могу вамъ и высказать.

Ну-съ, хорошо. Сидѣли мы такъ—долго-ли, коротко-ли—не могу вамъ точно сказать. Счетъ днямъ потеряли. Пополнѣли оба. Книгъ множество перечитали.

Вдругъ, однажды, сверху по трубѣ простучалъ намъ свое имя и фамилію—художникъ. Еще немного пого-дя — главный фельетонистъ нашъ, потомъ баснопи-сецъ, наконецъ и хроникеръ, и очутилась, такимъ образомъ, вся наша редакція въ сборѣ, въ близкомъ сосѣдствѣ.

И начали мы со скуки снова газету составлять. Сейчасъ же Евгений Ивановичъ названіе придумалъ—безопасная сатирическая газета „Предварилка“.

И закрипѣли перья, и застучали стѣны. По тру-бамъ, по стѣнкамъ—выстукивались басни, стихи, телегра-ммы, статьи, замѣтки... Составлялись нумера, при-думывались темы для каррикатуръ.

Закипѣла работа...

Но, когда составленіе второго № „Предварилки“ подходило къ концу—меня выпустили изъ предва-рилки. Товарищи же мои остались тамъ и, вѣроятно, пожалѣли о томъ, что я ушелъ отъ нихъ: въ предва-рилкѣ я рьяно помогалъ въ ихъ лихорадочной работѣ для „Предварилки“.

Но, впрочемъ, довольно.

О чемъ мы писали въ „Предварилкѣ“ сейчасъ вамъ не могу объяснить, такъ какъ боюсь снова очутиться въ предварилкѣ...

Говорятъ, скоро несомнѣнно придетъ весна. И тогда вылетятъ на свободу всѣ мои товарищи, а съ ними вмѣстѣ газета „Предварилка“, которую мы тог-часъ же выпустимъ въ свѣтъ.

И отъ громкаго смѣха при чтеніи „Предварилки“ затрясутся тридцать лѣтъ простоявшія стѣны предва-рилки... Затрясутся—и рухнутъ всѣмъ редакторамъ на утѣшеніе, секретарямъ и сотрудникамъ—на радость...

Секретарь.

КАКЪ ПРОЖИТЬ СОТНЮ ЛѢТЪ.

Родиться слѣдуетъ отъ здоровыхъ и долговѣчныхъ родителей, питаться во младенчествѣ не фальсифици-рованнымъ женскимъ молокомъ, и соблюдать слѣду-ющія правила:

Не пить водки, винъ и ликеровъ, и вообще ника-кихъ спиртныхъ напитковъ.

Не пить чаю, кофе, квасу и молока и т. п. напит-ковъ, ибо они бываютъ поддѣльны.

Не пить сырой воды, чтобы не наглотаться раз-ныхъ микробовъ, бациллъ и запятыхъ.

Не ѣсть ветчины и колбасъ—во избѣжаніе три-хинъ; а также мясо, потому что доказана возможность заразиться отъ него чохоткою.

Не употреблять въ пищу фруктовъ и овощей—изъ опасенія разстройства желудка.

Не ѣсть ничего мучного и картофеля, отягочаю-щего желудокъ и мало питающаго организмъ, и—

Не выходить изъ комнаты, во избѣжаніе простуды. Не играть въ винтъ, чтобы не получить геморроя и разлитія желчи.

СТОРОНКОЙ.

Большая лужа предъ тобой

Легла черезъ дорогу—

И ты, весь блѣдный, самъ не свой,

Назадъ отставилъ ногу...

Скажи! не стой на берегу!—

— А вы не рассчитали,

Что въ лужу шлепнуться могу?

Сторонкою нельзя-ли...

Бѣдняга! вѣчно стороной

Бредешь ты съ перепуга...

Пришелъ, положимъ, ты домой,—

Жена въ объятяхъ друга...

Бѣги! накрой ихъ и не трусь!—

— А вы не рассчитали,

Что вдругъ съ начальникомъ столкнусь?

Сторонкою нельзя-ли...

Но вотъ теперь ужъ путь прямой:

Попался въ преступленіи—

И вотъ лежитъ передъ тобой

Отъ службы увольненъ...

Иди теперь въ постыдный путь...

— А вы не рассчитали,

Что можно выплыть какъ-нибудь?

Сторонкою нельзя-ли...

А. Волгинъ.

ГАЗЕТА.

Женщина, въ глазахъ моего закадычнаго друга Коли, представлялась ничѣмъ инымъ, какъ газетою: родители были издателями, мужъ отвѣственнымъ редакторомъ, друзья дома подписчиками. Коля былъ очень недуренъ собой, такъ что, весьма помятно, со-стоялъ въ числѣ подписчиковъ...

Какъ-то разъ я съ Колей ѣхали въ конкѣ...

— Посмотри, какая миленькая газета, сказалъ мнѣ онъ, указывая глазами на сидѣвшую противъ насъ пикантную блондинку.—Не подписаться ли?... Но есть ли у ней отвѣтственный редакторъ?...

— Гм... недурна... отчего же не подписаться...

— Разузнаемъ адресъ редакціи сначала, а тамъ видно будетъ... рѣшилъ мой пріятель и храбро вы-шелъ за блондинкой изъ вагона...

Черезъ недѣлю я встрѣтилъ Колю на улицѣ... онъ былъ неестественно мраченъ...

— Что съ тобою?... Не былъ ли ты вчера на чьемъ-нибудь дебютѣ...

— Не до дебютовъ теперь... Влопался... У этой маленькой газетки оказался издатель... На будущей недѣлѣ я дѣлаюсь ея отвѣственнымъ редак-торомъ...

МОЯ „РЕСПУБЛИКА“.

(Изъ Беранже).

Я духъ республики усвоилъ

Я у себя ее устроилъ

И далъ свои законы ей:

Ея предѣлы—столъ, да кружки;

Отдѣлъ судебный—дружный смѣхъ;

Отдѣлъ коммерціи—пирушки;

Девизъ—свобода безъ помѣхъ!

Друзья, скорѣй стаканы въ руки,

Чтобъ засѣданіе начать!

Сперва рѣшимъ вопросъ о скукѣ,—

Ее намъ надо изгонять!

Нѣтъ, объ изгнаньи между нами

И не пристало говорить!

Непринужденность межъ друзьями

Должна веселье водворить!

Веселью роскошь помѣшаетъ,

А потому ей входъ закрыть.

Зато, пусть мысль преградъ не знаетъ!

Такъ воля Бахуса гласитъ.

Здѣсь каждый можетъ какъ желаетъ

Молиться Богу своему:

Пусть хоть въ мечети онъ бываетъ,—

Свобода полная ему!

Долой и титулы и званья!

Къ могиламъ предковъ не взывать!

И даже громкаго названья

Кутиламъ лучшимъ не давать!

А если тотъ, кто всѣхъ бойче,

Захочетъ звать себя вождемъ,

Того накажемъ мы пьянѣе,—

И тѣмъ республику спасемъ!

Скрѣпимъ скорѣй законы эти

Веселымъ чоканьемъ, друзья!

Но чу, шаги Лизетты!

Прости, республика моя:

Лизета здѣсь; она прекрасна;

Мы подчинились ей не разъ...

Увы! борьба была-бъ напрасна...

Свободѣ нашей пробилъ часъ!..

НАИБОЛѢЕ ПРОСТОЙ И ЛЕГКІЙ СПОСОБЪ ПОДРАЖАТЬ ВЕЛИКИМЪ ЛЮДЯМЪ.

Всѣ правоучительныя книжки всѣхъ вѣковъ и народовъ всегда совершенно справедливо совѣто-вали подражать великимъ столпамъ человѣчества. Но какъ? Въ этомъ квадратура круга. Трудно, подражая Архимеду, вновь открыть винтъ, подра-жая Колумбу—открыть Америку, подражая Авгу-сту Блаженному—написать «De civitate Dei» и по-дражая Лекоку—создать «La fille de M-me Angot».

Оттого великіе образцы и стоятъ одинокими и остаются безъ подражанія.

Между тѣмъ, есть чрезвычайно простой, легкій и вѣрный способъ пойти по стопамъ безсмерт-ныхъ идоловъ и коноводовъ человѣчества.

Способъ этотъ особенно примѣнимъ у насъ, въ Россіи, гдѣ «буфетъ съ закускою» играетъ такую-же важную роль, какъ Habeas Corpus въ Англіи.

Ставъ предъ разнокалиберною батареею буты-локъ, слѣдуетъ только вспомнить и имѣть въ виду, что Петръ Великій предъ всѣми другими напит-ками предпочиталъ простую анисовую водку;

Наполеонъ 1-й—вино «Chambertin»;

Кардиналъ Ришелье—вино Романейское;

Рубенсъ—«Марсалу»;

Рабле—вино «Шабли»;

Маршалъ Саксонскій—безсмертное «Клико»;

Кромвелль—«Мальвуазію»;

Талейранъ—«Chateau margot»;

Гумбольдтъ—«Сотернъ»;

Вальзакъ—«Vauvray»;

Гете—«Юганисбергъ»;

Лордъ Байронъ—«Портвейнъ»;

И засимъ подражать тому или другому люби-мому герою исторіи, науки, искусства или лите-ратуры. Въ этомъ и весь нашъ рецептъ: несложно и возвышенно.

— Что? Это Петръ Петровичъ заглядѣлся на оленью го-лову?

— А онъ осенью женился и теперь ему кажется, что онъ смотритъ въ зеркало.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ОДАЛИСКИ.

(Избранныя мысли).

Между моимъ повелителемъ и современнымъ мужемъ только та разница: что одинъ держитъ гаремъ—открыто, а другой вздеть гаремную жизнь тайно.

Нельзя любить пламенно мужа, когда видишь его всего только разъ въ мѣсяцъ, но еще труднѣе любить его, видя каждый день.

Пророкъ Магометъ весьма мудро поступилъ, не разрѣшивъ магометанамъ ѣсть свинину: зачѣмъ питаться себѣ подобными?

Когда моего повелителя нѣтъ, мнѣ хочется, чтобы онъ пришелъ... но когда онъ приходитъ, хочется мнѣ, чтобы онъ ушелъ... такъ вѣрно и всѣмъ женамъ въ Европѣ.

Вѣрность одалиски зависитъ отъ бдительности евнуха. Вѣрность евнуха зависитъ отъ бдительности одалиски.

Турецкая женщина любить много и долго, но не любить никого.

Я люблю плясать—это меня утомляетъ. Когда я утомлена—мысли мои спокойны... Бѣдныя невесты! больше танцуйте—и жизнь ваша будетъ не такъ тяжела.

Султанъ несчастнѣе меня: ему приходится переносить капризы трехсотъ женщинъ—а мнѣ его одного.

Судьба сдѣлала меня женой султана... читатель, не завидуй намъ: ни той, ни другому.

Гуляя однажды по двору нашего дворца, я увидѣла цѣлующихся голубей... султанъ, вѣроятно, про это не знаетъ: иначе онъ научился-бы у нихъ, какъ надо обращаться съ нами.

ПЕТЕРБУРГЪ И ДРЕВНІЙ ЕГИПЕТЪ.

Египетъ находился подъ властью фараоновъ. Въ Петербургъ точно также на перекресткахъ владычествуютъ «фараоны».

Жители Петербурга, подобно жителямъ древняго Египта, дѣлятся на касты (каста антрепренеровъ, каста докторовъ, каста подрядчиковъ, каста бюрократовъ и др.).

Въ Петербургѣ, какъ и въ Египтѣ, процвѣтаютъ науки: геометрія и астрономія („черченіе“ по трактирамъ и наблюденіе надъ звѣздами въ загородныхъ театрахъ).

Петербургъ—единственная страна въ мірѣ, въ которой введены въ употребленіе гіероглифическія письмена древняго Египта (извѣстны преимущественно кастѣ мелочныхъ лавочниковъ).

Подобно египтянамъ петербуржцы чтятъ различныхъ животныхъ: собакъ, какъ охранителей домовъ, крысъ, какъ истребителей казеннаго сукна и солдатскихъ сухарей. Точно также поклоняются различнымъ «звѣздамъ» и «свѣтиламъ».

ЧТО ЗАПѢЛИ РЕАКЦІОНЕРЫ ПОСЛѢ ВЫБОРОВЪ ВЪ ДУМУ.

Бюрократы.

(На мотивъ: „Прощаюсь, ангелъ мой, съ тобою“).

Прощай погромы, избіенья,
Прощай кресты и ордена!
На насъ легла печать забвенья...
Ахъ! трудны стали времена!

Истинно-русскіе люди.

Брось веселье, храбрый россъ,
Натянули тебѣ носъ!

Октябристы.

Пропадай наша телѣга,
Всѣ четыре колеса.
Таеи мы не хуже снѣга,
Испаримся, какъ роса.

П. П. П.

Охъ, не для насъ придетъ весна!
Ужъ намъ до Думы не добратъся...
Да, пробудилась Русь отъ сна
И намъ приходится убратъся!...

Всѣ реакціонеры.

Мы на выборы шли,
Да и съ носомъ ушли...
Провалились, провалились, провалились.

— А ты не боишься, что сюда нагрянетъ твой мужъ?
— Нѣтъ. Уходя изъ дому—я отпустила прислугу и, будто бы по разсѣянности, заперла дверь ключемъ, который взяла съ собой. Такъ что мужъ теперь подъ замкомъ, а мы свободны...

СОВРЕМЕННЫЙ ДЕЛИРИУМЪ.

Встарь поэты допивались
До бѣсовъ и до чертей;
Имъ кикиморы являлись
И зеленый даже змѣй.
Я жъ недавно такъ напился,
Что во фракѣ голубомъ
Современный чортъ явился
Мнѣ съ огромнымъ палаомъ.

Въ Петербургѣ есть изданье,
Въ немъ для пушей, громкой славы,
Идиотамъ въ назиданье,
Смыслъ преслѣдуется здравый...
И идеи всѣ живыя
Въ немъ бичуютъ строго, съ жаромъ,—
Патріоты записные
Собралися тамъ не даромъ.
Тотъ синклитъ почтенный можетъ
Дѣлать вмѣстѣ слона изъ мухи,
И прогрессъ его тревожить,
Какъ аскета злые духи.
Молодежь всю откровенно
Онъ ужаснымъ зломъ считаетъ...
Въ томъ изданіи безсмѣнно
Тѣнь хозяина витаетъ...
О, читатель мой, наявно
Ты изданье это знаешь,—
Ты къ газеткѣ лицемѣрной
Антипатію питаешь!..

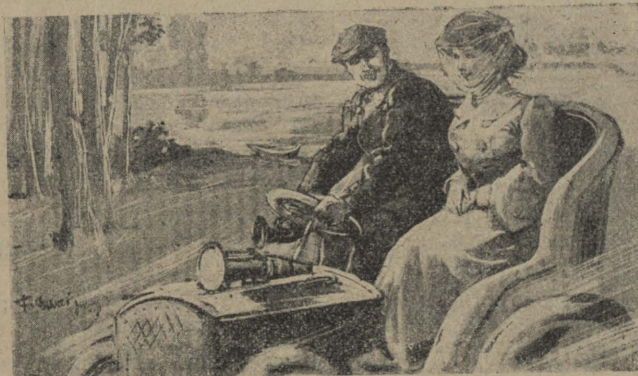
РОМАНСЪ.

Принимая во вниманье
И имѣя все въ виду,
Я, безъ знаній, безъ талантовъ,
Все впередъ себѣ иду.

Принимая во вниманье
И имѣя то въ виду,
Что безъ знаній, безъ талантовъ,
Я впередъ себѣ иду.

Принимаю во вниманье
И имѣю все въ виду
И безъ знаній, безъ талантовъ,
Далеко впередъ уйду.

Чиновникъ.

Она. Навѣрно всѣ шофферы и извозчики принадлежать къ правымъ партіямъ.

Онъ. ??...

Она. Потому что они привыкли держать правый.

ДАМСКІЙ ДОКТОРЪ.

Одѣваясь моднымъ франтомъ,
Юнъ, красивъ и свѣжъ всегда,
Удивительнымъ талантомъ
Онъ владѣетъ, господа.
Лишь войдетъ,—больная дышетъ
Легче,—прежней боли нѣтъ...
Онъ рецепты рѣдко пишетъ, —
На ушко шепнетъ совѣтъ.
А сосѣдъ его ученый,
Старый, хмурый эскулапъ,
Тяжкой думой удрученный,
Отъ нужды совѣтъ ослабъ.
Онъ твердитъ: „писалъ я книжки,
Знаю женщинъ я вполнѣ,
А онъ сему мальчишкѣ
Больше вѣрятъ, а не мнѣ.
Почему, съ томленьемъ взгляда,
Такъ и лнуть онъ къ нему?!“
Господа, самимъ вамъ надо
Догадаться: почему?!

ОТВѢТЫ НА ОБЫКНОВЕННЫЕ ВОПРОСЫ ДѢТЕЙ.

I.

Что такое 1-ое Апрѣля?

— Самый честный день въ году: вруцій въ этотъ день, по крайней мѣрѣ, сознается въ томъ, что онъ вретъ.

II.

Что такое долгій ящикъ?

— Чисто русское приспособленіе для веденія экстренныхъ дѣлъ, посредствомъ вѣчнаго двигателя (денегъ).

III.

Кому не нравится гласность?

— Оглашеннымъ.

И говорила я тебѣ, Маша, не наводи ты на себя такъ много красной краски, а теперь старшей сказываешь, что мы съ тобой за эту самую красоту подъ надзоръ полиціи попали.

Благонадежная подъ усиленной охраной.

КЪ ВОПРОСУ О НАШИХЪ ФИНАНСАХЪ.

На-дняхъ мы перелистывали „Таможенный Уставъ“ и, къ величайшему нашему удивленію, среди вещей, обложенныхъ пошлиною, не нашли множества такихъ, обложеніе пошлиною которыхъ было бы весьма полезно и весьма приятно. Сюда относятся, напр., такіа вещи:

Пули, которыя отливаютъ думскіе и земскіе ораторы.

Гуси, заставляющіе въ разныхъ комиссіяхъ и подкомиссіяхъ.

Шкуры двойныя, сдираемыя со смиренныхъ овечекъ, въ образъ людей.

Птилки, подставляемыя зятю любезнѣйшею тещею.

Крючки—адвокатскіе, полицейскіе, картежные и др.

Башмаки женскіе, подъ которыми приходится изны-
вать мужьямъ.

Кареты, которыя теперь такъ часто подаютъ многимъ чиновникамъ.

Рукавицы ежовыя, въ которыхъ держатъ русскую литературу.

Шляпы, въ которыя каждый старается поскорѣе положить свое дѣло.

Куры, которыхъ любятъ строить наши стрелки.

Чепчики, подъ которые спѣшать попасть дѣвцы старшаго возраста.

Колокола, въ которые трезвонятъ московскіе публицисты.

Туши, которою регулируются многія дѣла и ступе-
вываются многія личности.

И еще множество другихъ вещей.

Онъ. Мое сердце ужъ давно принесено тебѣ въ даръ.
Она. Ахъ, къ чему это! я тебя просила не дарить мнѣ бездѣлушекъ. Знаешь что, возьми свой даръ обратно и замѣни его хорошенькимъ фермуаромъ.

Она. Теперь вы помощникъ мужа, но постарайтесь, поработайте, не жалѣя силъ, и вы займете его мѣсто.
Онъ. О, помиуйте! Я готовъ трудиться въ потъ лица.

— Тысяча рублей въ мѣсяцъ, квартира и лошади! Ты, однако, недурно устроилась, моя милая.
— О что ты, мнѣ этихъ денегъ на булавки не хватаетъ!

Въ провинціи.

— Вы вынули тренового туза! Ну, значить, не попадете въ выборы.
— Отчего вы такъ рѣшили?
— Оттого, что иначе вамъ, какъ члену кадетской партіи, несомнѣнно достался бы бубновый тузъ.

ПОЛЬ И ДОРА.

Драма съ прологомъ и эпилогомъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Поль. Блондинъ, усы стрѣлками, борода пуховкой. Прическа — капуль на отлетѣ. Цвѣтъ лица — изъ «Синей Бороды»: «кровь съ молокомъ, тра-ла-ла-и-ла!» Поступъ королей на сценѣ. Голосъ — виолончель. Одежда Бурге-систо-Лютанистая. Вѣлье — Море, шляпа — Мористъ...

Дора. Брюнетистая блондинка. Глаза — барюза, брови — агать, губки — коралль, щечки — бархатъ, грудь — атласъ, руки — слоновой кости, ножки — подъ микроскопъ! Вся не кустарнаго происхожденія... Мужъ въ безсрочномъ отпуску и... нестроевой роты.

Прологъ: Пассажъ.

Поль. Какая душка!! Обвороженіе!!

Дора. Недурной мушкетер. Впрочемъ...

Поль. «Олень, раненный стрѣлой!» За ней!!

Дора. Что такое? Онъ, кажется, идетъ за мной. Негодный!!

Поль. Прибавила шагу. Боже! избави отъ близстоящаго кучера!! Оглядывается!!

Дора. Онъ не отстаеетъ. Пройду до угла, авось отстанетъ... Не отстаеетъ. Экій нахаль!!

Поль. Что за роскошь!! Что за походка!! Лебеди! Клеопатра!! и т. д.

Дора. Остановлюсь и отчитаю его... Миледарь?!

Поль. Сударыня?! Вы прекрасны, вы и т. д...

Пауза. Познакомились! Разошлись!

Поль. До завтра? Что за богиня?! и т. д.

Дора. Право, не знаю... Гмъ, пожалуй?! Недурень мальчишъ и т. д.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ и ПОСЛѢДНЕЕ.

Мѣсяцъ спустя или извѣстный ресторанъ.

Дѣйствующие тѣ же и одинъ татаринъ слуга — Хабибула Изеддиновъ. Татаринъ, какъ татаринъ. Пять часовъ вечера.

Поль, въѣзая по лестницѣ: Чеаэкъ! Отдѣльный кабинетъ и два прибора!!

Татаринъ. Въз, вашество, заняты...

Поль. Пятёрку на чай, жду даму.

Татаринъ. Знаемъ, вашество. Безъ дамъ, кабинетъ не надо. Въз заняты. Адынь есть, гдѣ пасуда стаить...

Поль. Все равно, магометанинъ, веди туда...

Татаринъ. Дама подъ вуалемъ будетъ?

Поль. Да. Маршъ! Скорѣй! Два прибора...

Татаринъ. Знаемъ. Безъ дамъ два прибора не надо...

Дверь открывается. Входитъ она...

— *Поль!*

— *Дора!*

— Чеаэкъ! Скорѣй столъ накрой...

Татаринъ. Готово! Все здѣсь...

Поль. Готово. Маршъ! съ глазъ долой...

Татаринъ. Знаемъ. Безъ дамъ съ глазъ не надо. (Уходитъ).

— *Поль!*

— *Дора!*

— Чеаэкъ! Скорѣй столъ накрой...

Татаринъ. Готово! Все здѣсь...

Поль. Готово. Маршъ! съ глазъ долой...

Татаринъ. Знаемъ. Безъ дамъ съ глазъ не надо. (Уходитъ).

— *Поль!*

— *Дора!*

— Чеаэкъ! Скорѣй столъ накрой...

Поль. Какое блаженство?! Думалъ ли я, моя дорогая?!

Дора. Я тоже не думала. Все-таки ты скверный...

Поль. Я? отчего?!

Дора. Не предложишь ничего мнѣ съѣсть. Я голодна, какъ акула...

Поль. Ты акула? О, нѣтъ! Ты плотичка, самая малюсенькая плотичка!... На, ѣшь... Но прежде позволь...

— *Поль!*

— *Дора!*

— Чеаэкъ! Скорѣй столъ накрой...

Татаринъ. Извините, вашество... Пазвольте душину ложки взять...

Поль. Бери, мусульманинъ, и уходи скорѣй... Ты не нуженъ мнѣ.

Татаринъ. Знаемъ. Съ дамамъ я не нужны... (Уходитъ).

Поль. Мой другъ! Мое божество! Какъ я счастлива, какъ ты счастлива, какъ мы счастливы... и т. д. по сраженію...

Дора. Боже мой! думалъ ли я, что это золото, этотъ драгоценный металлъ, эта ласточка сизокрылая... Дай свою ручку, моя богиня, моя повелительница... Или постой, — я пересяду на диванчикъ, рядомъ съ тобою...

Дора. Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Слишкомъ для васъ... Ахъ, безсовѣстный, онъ никого не слушается!.. Ахъ...

— *Поль!*

— *Дора!*

— Чеаэкъ! Скорѣй столъ накрой...

Татаринъ. Извините, вашество. Пазвольте бакалѣ на крушонъ взять!..

— *Мммъ!!*

— *Эхммъ!!*

Дора. Ужасный народъ...

Поль. Ну, Богъ съ нимъ. Знаешь что, Дора? Давай я тебѣ экспромтъ скажу...

Дора. О? Да ты поэтъ... Вотъ не знала... Говори...

Поль. Я скажу двѣ строчки, а ты докончи ихъ. Идетъ? Слушай:

Какъ быть съ тобою мнѣ пріятно!

Какъ я люблю красотку!..

Дора. Послушай, не болтай ты вздору

И прочитай меня обратно!.. Ну?!

Поль. Дору? У—родъ?!.. Ха, ха, ха!.. Ты поэтесса...

— *Поль!*

— *Дора!*

— Чеаэкъ! Скорѣй столъ накрой...

Татаринъ. Извините, вашество. Пазвольте чатыре падсвѣчникъ взять.

Поль и Дора. О-о-о?!? Это ужасно... Это какіе-то...

Дора. Прощайте, сударь... Прощайте...

Поль. Но моя душечка... Моя богиня... Моя Елена прекрасная!..

Дора. Молчать! вы чудовище. Мой мужъ лучше васъ... Онъ не такой мучитель, какъ вы... Онъ...

(Плачетъ, накидываетъ вуаль, надѣваетъ шляпку и уходитъ стремительно).

Поль. Дора! Доротея! Дарья Федоровна!.. Ушла!..

Татаринъ. Извините! Пазвольте у васъ супникъ взять для...

Поль. О, негодяй! Мошенникъ! Нехристы!.. Разъ!..

Рразъ! Вотъ тебѣ! Вотъ! (Баталія. Татаринъ бѣжитъ: вай, вай, вай!.. Убилъ! Графъ убилъ!..)

Эпилогъ. Въ камеръ мирового судьи.

Мировой судья. Дѣло по обвиненію графа Павла Егорова Х., въ нанесеніи побоевъ казанскому мѣщанину Хабибулѣ Изеддинову и въ нарушеніи тишины и спокойствія въ общественномъ мѣстѣ...

Finis coronat opus!

Кассій Брутовъ.

ЗАМОКЪ И ЛЮБОВЬ.

(Сказка для молодыхъ женщинъ).

Былъ старый, ревнивый мужъ и была у него красивая, молодая жена.

Точь-въ-точь, какъ у Гейне. Помните?

«Былъ король его сердце остыло,

И покрыла чело сѣдина.

У бѣднаго, дряхлаго старца

Была молодая жена»...

Уходя изъ дому и, оставляя жену, онъ закрывалъ двери на замокъ.

Жена плакала. Ей бѣдняжкѣ было жутко сидѣть одной-одинешенькой въ пустыхъ комнатахъ.

Итакъ было каждый день.

У нея постоянно глаза были красны отъ слезъ.

Но однажды старый, противный мужъ обратилъ вниманіе на то, что глаза у нея не красны. Онъ удивился и, спросилъ:

— Дѣточка, ты не плакала сегодня?

— Нѣтъ! — отвѣтила она весело и улыбнулась.

— Умница! Пай дѣвочка! Хе, хе!

Онъ потрепалъ ея подбородокъ и погладилъ руку.

Бѣдный! Это было все, что онъ могъ ей дать...

Съ этихъ поръ она больше не плакала и ей не было скучно, хотя онъ и продолжалъ запираетъ ее на замокъ.

Старый мужъ приписывалъ это извѣстной пословицѣ:

— Свыкнется, слюбится!

Колпакъ! Если-бы онъ зналъ!..

Это было на седьмой день послѣ ея перваго одиночества.

Въ саду прогуливался сосѣдъ — прелестный юноша.

— Можно къ вамъ, очаровательная сосѣдка? спросилъ онъ.

— Ахъ! воскликнула она. — Я-бы съ радостью!.. только противный мужъ мой... Онъ заперъ меня на замокъ и унесъ съ собою ключъ...

— Не беспокойтесь, мы обойдемся безъ его ключа. У меня свой есть...

Съ этими словами онъ ловко, какъ обезьяна, и съ пыломъ 20-лѣтняго юноши взобрался на дубъ, растущій подъ ея окномъ, и она встрѣтила его съ распростертыми объятіями...

Счастливая молодость! тебѣ не страшны никакіе замки и затворы! ты куешь ключи въ огнѣ своей страсти.

Я на ушко шепну повнятнѣй

Пять словъ; пойдутъ они вамъ въ прокъ:

Свой замокъ намъ имѣть пріятнѣй,

Чѣмъ вдругъ попасться подъ замокъ...

ОДИНОКІЙ

ИЩЕТЪ ПОДРУГУ.

Предложенія адресовать въ «Предварилку», редактору.

ЖЕНИТЬСЯ желаетъ редакторъ, средн. лѣтъ, имѣющій казенную квартиру съ отопленіемъ и освѣщеніемъ. «Кресты», предъявителю «Дятла» № 1.

БОЛЬШОЙ

выборъ

ЗАМКОВЪ

для редакторовъ прогрессивныхъ газетъ (рекомендуется бюрократин).

Сбѣжала

ТЕЩА. Нашедшаго просятъ не возвращать.

— Ахъ, папа, какъ я счастлива. Иванъ Петровичъ проситъ моей руки.

— Это очень хорошо, милая. Но прежде, чѣмъ отдать ему руку, заведи его въ руки.

ЖЕНЩИНЫ И ПРЕССА.

(Параллели и замѣтки).

— Женщины — тѣ же газеты: всѣ ихъ ругаютъ, хотя никто не можетъ безъ нихъ обойтись. Но въ женщинахъ, какъ и въ газетахъ, есть много разновидностей и подраздѣлений, которые находятся между собою въ слѣдующемъ соотношеніи:

* Дѣвочки и подростки представляютъ собою дешевыя дѣтскія изданія, неизвѣстно зачѣмъ выпущенныя въ свѣтъ, потому что никто ихъ не читаетъ, даже дѣти.

* Барышни — это одно изъ двухъ: либо тощій журнальчикъ, начиненный обрывками переводныхъ романовъ, сантиментальными стишками и обильнымъ отдѣломъ «смѣси», либо хорошенькая иллюстрація, которой можно любоваться *per se ipsa*, безъ всякихъ комментариевъ и подписей.

* Замужняя женщина — тоже дилемма: если не отрывокъ интереснаго романа, то навѣрное справочный отдѣлъ домашнихъ совѣтовъ и кухонныхъ рецептовъ.

* Бойкимъ воскреснымъ фельетономъ, понятно, можетъ быть только пикантная, остроумная вдовушка, съ которой безъ стѣсненія можно поболтать и о золотыхъ предметахъ и матеріяхъ. Но вдовица скелетообразная, мохнатая обожающая и ханжеватая — это уже исключительно душевспасительное чтеніе.

* Старыя дѣвы, какъ и старыя нумера непрочтенныхъ изданій, имѣютъ интересъ только съ археологической точки зрѣнія или при продажѣ на фунты. Впрочемъ, годны для справокъ и никогда не занимаютъ много мѣста въ квартирѣ. (Pardon, mesdemoiselles).

* Изъ прочихъ разновидностей и рубрикъ важнѣйшія суть: богатая невѣста или передовыя статьи; маменьки, вывозящія дочерей на балы ловить жениховъ, или отдѣлы критики и хорошаго тона (по Гюгю); чиновницы съ Галерной гавани или воплощеніе рубрики: «намъ сообщаютъ изъ вполнѣ достоверныхъ источниковъ»; много пожившія и много видѣвшія старушки или отдѣлы хроники и биржевыхъ извѣстій; *bas bleus* или объявленія о предложеніи услугъ и спросъ на работы, и великобританскія барыни или справочные отдѣлы театровъ и зрѣлищъ.

Для полноты очерка нужно прибавить только, что: * Невѣсты — это выписанныя, но не полученные еще изданія.

* Жены — давно пріѣхавшія изданія, дающія совершенно ненужныя преміи и читаемая единственно по старой привычкѣ, а

* Тещи — это отдѣлы некролога *in spe*. Утѣшайтесь хоть этимъ, господа мужья!

Всеяже.

КРАСИЛЬНАЯ ФАБРИКА.

Вновь открытая красильная фабрика имѣетъ честь довести до свѣдѣнія почтеннѣйшей публики, что фабрикою производятся работы по окраскѣ, чисткѣ и дегазировкѣ различныхъ предметовъ.

Принимаются въ чистку запачканная честь и „добро“ имя.

Дамы, потерявшія способность краснѣть... окрашиваются фабрикою въ «краску стыда».

Деатируютъ лысины и на плѣны наводятъ воръ.

Подчищаютъ цифры въ банковыхъ отчетахъ.

Набиваютъ... головки юницъ плевелами институтской дребедни.

Овращиваютъ въ черный цвѣтъ супружескія отношенія — специально для бракоразводныхъ процессовъ.

K***

С Ю Р П Р И З Е Ц Ъ.

(Возможное въ нашихъ отъ приключеніе въ 4-хъ картинахъ).

I.

— Нина! Счастье мое! Мое божество!

Ахъ, Боже мой, звонокъ! Это, должно быть, мой мужъ! Сержъ, ради Бога, скорѣе въ этотъ шкэфъ...

II.

— Ниночка! Прелесть моя! Еще одинъ поцѣлуйчикъ!..

— Ахъ, Господи, звонокъ! Это, навѣрное, мужъ! Скорѣе, Мишель, въ этотъ гардеробъ...

III.

— Нинуся, радость моя! Жизнь моя!..

— Ахъ, Создатель мой, звонокъ!.. Это непременно мужъ!.. Скорѣе, Пьеръ, въ этотъ сундукъ...

IV.

— Ну, здравствуй, женушка милая, здравствуй!

— Здравствуй, мой дорогой помпончикъ!

— А ты еще не видала, какой я сюрпризецъ тебѣ приготовилъ?

— Нѣтъ, мой лисунчикъ!

— Какже!.. Прелестнѣйшее сорти-де-баль... Только не помню, куда я его положилъ... Кажется въ шкэфъ... Постой сейчасъ найдемъ... А! Сержъ Николаевичъ! Вотъ не ждалъ увидѣть васъ здѣсь!.. Выпозжайте-ка, выполжайте, батюшка, да помогите-ка мнѣ отыскать сорти-де-баль... Нѣтъ, здѣсь въ шкапу нѣтъ... Должно-быть въ гардеробъ... А! любезнѣйшій Михаилъ Ивановичъ! Вотъ нечаялъ встрѣтить васъ въ гардеробъ!.. Выходите-ка скорѣе, да давайте вмѣстѣ искать... Нѣтъ, и здѣсь нѣтъ... Что за оказія... А! должно быть въ сундукъ!.. Ба! Милѣйшій Петръ Викторовичъ!.. Вотъ неожиданность-то!.. Да вотъ и сорти-де-баль!.. Выньте-ка, любезнѣйшій Петръ Викторовичъ, изъ-подъ себя накидочку-то эту... да и сами выйдите сюда... Вотъ такъ! Эхъ, помали малость... какъ это вы такъ недовольны!.. Ну, да ничего... Ну, вотъ тебѣ, женушка, и мой сюрпризецъ... Неправда-ли, изящная вещица?... Эээ!... Да насъ здѣсь четверо мужчинъ-то! Прекрасный случай повиниться... Женушка, распорядись-ка, милая, на счетъ столика и всего тамъ прочаго... Пойдемте-ка, пойдемте, друзья, не будемъ терять дорогого времени!

ЭПИТЕТЫ.

Баронъ въ своихъ запискахъ

Тебя, ребенокъ мой,

Нерѣдко называетъ

Безцѣнной, дорогой.

Въ эпитетахъ обоихъ

Таится смысла тьма,—

Рѣшить ты это можешь,

Подумавши сама.

Къ тебѣ подходить очень

Эпитетъ *дорогой*,—

Такъ дорого барону

Ты стоишь, ангелъ мой.

Но и другая кличка

Вѣдь тоже хороша:—

Ты въ сущности не стоишь,

Ей Богу, ни гроша!..

ПРОДАЕТСЯ

за ненадобностью

— У Р Н А —

для избирательныхъ листовъ. За справками
просить обращаться въ ПАРТІЮ ПРАВОВОГО
ПОРЯДКА.

ПОДЪ ЗАМОКЪ!

(Изъ записной книжки члена П. П. П.).

Прячьте отъ дѣтей подъ замокъ опасныя вещи; какъ-то: револьверы, патроны, острые ножницы, бритвы, апельсины... И прячьте также еще болѣе старательно — книги. Ибо что можетъ быть опаснѣе книги, а особенно изъ новыхъ — въ 10 и 15 копѣекъ за штуку?

Впрочемъ, и старыя книги хороши!

Охъ, не даромъ, не даромъ сказано «собрать всѣ книги бы, да сжечь». Золотыя слова.

Да вотъ недалеко ходить за примѣромъ. У меня есть сынчикъ — Ванюша. Вижу я, что въ послѣднее время сталъ онъ увлекаться баснями Крылова. Ну, а я признаюсь басни эти самыя ужъ давно забылъ. Взялъ недавно книжку у сына, почиталъ и въ ужасѣ, прямо въ ужасѣ пришелъ.

Вотъ такъ дѣдушка Крыловъ!

Помилуйте, да это не басни, а революціонная пропаганда! Это развращеніе дѣтскаго ума!

Вы не вѣрите? Да поглядите сами. Вотъ, на примѣръ, какъ добрый дѣдушка отзывался о блюстителяхъ порядка — надеждѣ и опорѣ всѣхъ истинно-русскихъ животныхъ... тьфу... людей... (Какъ неудачно обмолвился, чортъ возьми! А все эти сатирическіе журналы, чтобы имъ! Такъ на зубахъ и визнутъ разныя глупыя словечки)...

Да, такъ о чемъ бишь я? О полиціи? Вотъ не угодно ли:

— «Такъ онъ полицію изъ кошекъ учредилъ...»

У кошекъ...

Не безъ грѣха въ надсмотрщикахъ бываетъ...

И дальше: — «Хозяинъ мой велѣлъ всѣхъ кошекъ пересѣчь».

Ну, скажите, статочно-ли дѣло истинно-русскимъ дѣтямъ такія мысли внушать?

Или вотъ еще какъ такія строки назвать:

«...если голова пуста,

То головѣ ума не придадутъ мѣста».

Это ужъ явное неуваженіе къ лицамъ власти имущимъ, злостное неуваженіе!.. За это не мѣшаетъ и въ одиночество г. писателя посадить (жалко умеръ не во время). А дѣтямъ таковыя вещи читать, воля ваша, не идетъ!

Чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. «Дѣтскій» будто бы писатель рисуетъ картины одна опаснѣе другой. Такъ, на примѣръ, подходитъ онъ и къ аграрному вопросу. Всѣмъ истинно-русскимъ... гм... людямъ извѣстно, что крестьяне благодарствуютъ, онъ же пишетъ:

— Теперь еще и кормъ и скуденъ такъ, и малъ.

И дальше: — «Крестьянинъ ахнуть не успѣлъ,

Какъ на него медвѣдь напѣлъ».

Здѣсь ужъ подъ медвѣдемъ можно подразумѣвать чортъ знаетъ что... Намеки какіе-то! Безобразіе! И это — для дѣтей?

Касается г. Крыловъ и литературнаго вопроса. Такъ, на примѣръ, къ кому же относятся эти слова:

— Хоть высоко, но ты на привязи летаешь?

Авторъ правда старается насъ увѣрить, будто все дѣло въ бумажномъ змѣѣ. Но вѣдь это смѣшно! Кто этому повѣритъ!

— «А въ одиночествѣ способенъ жить не всякій».

Очевидно, рѣчь идетъ объ одиночномъ тюремномъ заключеніи — обыкновенномъ для современныхъ редакторовъ, о жизни и дѣятельности которыхъ порядочному ребенку и знать ничего не надо.

Не лучше и другіе намеки на современную русскую жизнь:

— «Шли два пріятеля вечернею порою

И дѣльный разговоръ вели между собой:

Какъ вдругъ изъ подворотни

Дворняшка тавкнула на нихъ...»

Спрашивается: кто эти два пріятеля, ведущіе вечеромъ дѣльный разговоръ?

Очевидно, с-д. или с-р.

Кто эта дворняжка, дежурящая у воротъ? А вотъ еще милая картинка:

«Смотрите: лѣзится какъ ракъ:

Вотъ чуть не зацѣпилъ за камень. Косо! криво!

Смѣлѣ! Вотъ толчекъ опять!

А тутъ бы вѣдло лишь принять!..»

Какіе намеки! И вѣдь все — самая животрепещущая современность! Особенно хорошъ здѣсь совѣтъ взять *алкого*! Ого, видно самъ дѣдушка Крыловъ былъ изъ лѣвыхъ!

Нѣтъ, положительно опасная книга! И чѣмъ скорѣе отобрать ее — тѣмъ лучше!

А по моему, чтобы зло престѣчь — конфисковать и сжечь... Да, кетати, и типографіи, гдѣ такія книги печатаютъ — подъ замокъ!

Такъ-то спокойнѣе будетъ!

— Вотъ все хвастала, что ты съ ундеромъ на военномъ положеніи и доигралась до интереснаго положенія.

ШАМПИОНЫ.

Бродя безъ цѣли по одной изъ второстепенныхъ улицъ губернскаго города N., я зашелъ выпить стаканъ кофе въ дешевый ресторанъ, посѣщаемый преимущественно учащейся молодежью, среди которой я могу сравнить себя только со старымъ ни куда не годнымъ пнемъ. Въ большой комнатѣ всѣ почти столики были заняты, и мнѣ съ трудомъ удалось отыскать свободное мѣстечко въ одномъ изъ темныхъ уголковъ, нелюбимыхъ веселымъ народомъ, и, поэтому почти всегда пустыхъ. Кофе давно уже стоялъ передо мною, но я совершенно забылъ о немъ, съ любопытствомъ разсматривая странную парочку, помѣстившуюся около меня. Оба — старые, съ заостренными подбородками и носами, высказывающими стремленіе соединиться, наконецъ, другъ съ другомъ, онъ, — въ потертомъ сюртукѣ, она, — въ темномъ платьѣ стариннаго покроя и шляпкѣ, вѣроятно, одиѣхъ лѣтъ съ обладательницей. Передъ нею стояла чашка бульона, и она осторожно извлекла оттуда жесткій кусокъ мяса, положила его на тарелку и придвинула къ старику, а сама взялась за ложку. Медленно и съ разстановкой отправляли они въ ротъ кусокъ за кускомъ, ложку за ложкой, и на лицахъ ихъ было разлитое довольство. Эта маленькая группа, характерная и симпатичная сама по себѣ, привлекала вниманіе близъ сидящихъ. Но во мнѣ она возбуждала особый ин-

тересъ, и я никакъ не могъ отдать себѣ отчетъ, въ чемъ его основаніе, путался въ воспоминаніяхъ и догадкахъ, но изъ этого ничего не выходило. Какъ вдругъ одна изъ фразъ, произнесенная старушкой, по странной, почти непонятной ассоціаціи представленій, оживила въ моей памяти другую, давно минувшую встрѣчу.

Когда я увидѣлъ ихъ въ первый разъ — это было давно, на берегахъ счастливой Сены, въ одномъ изъ блестящихъ Парижскихъ ресторановъ. Въ политическомъ мірѣ царило временное затишье, и молодая парочка, такъ же, вѣроятно, какъ и я, воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы посѣтить столицу міра и спустить тамъ часть денегъ, которыхъ, казалось, некуда было дѣвать, такъ много ихъ было. Онъ былъ красивъ, но она была лучше его. Оба — молодые, любящіе, счастливые своей молодостью и любовью — они были прекрасны и невольно возбуждали во мнѣ чувство зависти. Вѣроятно, имъ было очень весело, такъ какъ они ежеминутно улыбались, бросая другъ другу многозначительные взгляды, и малѣйшее событіе и столкновение возбуждало въ нихъ неудержимый хохотъ. Зайдеть ли толстый господинъ подъ руку съ тонкой дамой, задѣнетъ ли гагсон кого на ходу — все встрѣчали они веселымъ смѣхомъ и такимъ счастливымъ, какимъ могутъ смѣяться только любовники или очень молодые супруги. При взглядѣ на нихъ, на душѣ становилось легко, и невольно вѣрилось въ возможность счастья на землѣ. Никто, конечно, и не думалъ обижаться. Наоборотъ, и толстый господинъ, и тонкая дама, и гагсон смотрѣли на нихъ пріятливо и ласково, и сами начинали улыбаться. Казалось, какъ солнце, они все озарили свѣтомъ своего счастья.

Изъ всего ихъ разговора мнѣ запомнились только двѣ самыя незначительныя фразы, вѣроятно потому что онѣ были сказаны по-русски. Молодая женщина, показывая свои чудные зубы, и неизвестно чему улыбаясь, говорила:

— Ахъ, Поль, какіе чудные шампиньоны! Какъ я рада! Когда мы вернемся, я задушу тебя въ своихъ объятіяхъ.

— И замѣть, дружокъ, отвѣчалъ ей спутникъ: мы — въ Парижѣ... Парижѣ! Какъ много въ этомъ словѣ для сердца моего слилось, тихо продекламировалъ онъ.

Послѣ этого, они порывисто поцѣловались, но вдругъ спохватились, покраснѣли, и продолжая разговоръ по-французки, скоро удалились изъ залы и навсегда, какъ казалось, скрылись изъ моихъ глазъ...

И вотъ, почти пятьдесятъ лѣтъ спустя, далеко отъ береговъ Сены, въ русскомъ городѣ и въ этомъ ресторанчикѣ...

— Бульонъ очень не дуренъ, шамкалъ беззубый ротъ старушки. Нужно будетъ сегодня заштопать твои чулки.

— Я радъ, шамкалъ въ свою очередь старичекъ, что мы имѣемъ возможность обѣдать въ такомъ приличномъ ресторанѣ, и онъ осматривалъ присутствующихъ добрыми глазами.

Я не выдержалъ.

— Помните 18... Chateau des roses и шампиньоны, громко спросилъ я моихъ сосѣдей.

Эффектъ получился слишкомъ поразительный. Испугъ внезапно смѣнилъ выраженіе безмятежности на ихъ лицахъ, и въ теченіе нѣсколькихъ секундъ они сидѣли въ застывшихъ позахъ.

Первый оправился старичекъ. Дрожащимъ отъ волненія голосомъ онъ спросилъ меня:

— Откуда... откуда вы это знаете, милостивый государь?...

Мы стали предметомъ всеобщаго вниманія. Я наскоро объяснился и ушелъ, оставивъ кофе нетронутымъ.

Михаилъ Львовичъ.

ВЪ ДУХЪ ВРЕМЕНИ.

Новелла.

Петръ Ивановичъ давно не запомнитъ такого счастливаго вечера, какъ сегодня. Жена уѣхала на цѣлыя сутки... А Тереза давно не была съ нимъ такъ ласкова.

Легкая вѣнская каретка плавно неслась по снѣжному паркету, эластично вздрагивая на ухабахъ... Петръ Ивановичъ прижался горячей щекой къ атласу и задумался. Ему хорошо жилось на свѣтѣ. Ни у него, ни у его жены не было Богъ вѣсть какихъ средствъ, но они умѣли вертѣться: онъ жуировалъ съ актрисами, купилъ съ молодежи, велъ большую игру, пускалъ на бѣга рысаковъ; она соперничала кружевами и брилліантами съ первыми щеголихами города, много выѣзжала, многихъ принимала, словомъ — не отказывала себѣ ни въ чемъ. Другъ другу они не мѣшали.

Онъ былъ адвокатъ, по преимуществу «конкурсникъ». Богатая родня и солидныя связи внушали къ нему довѣріе. Купить рысакъ на какія-нибудь залоговыя деньги и потомъ внести ихъ изъ выигранныхъ на бѣгу; затратить послѣднюю копѣйку довѣрителя на покупку цѣннаго подарка танцовщицѣ и потомъ счастливо сорвать банкъ на вечерѣ у командира мѣстнаго полка — было для него дѣломъ обыкновеннымъ; но стоило найти кончикъ бѣлой нитки, связующей все это, и дернуть ее хорошенько, — Боже мой! куда бы полетѣли — и практика Петра Ивановича, и брилліанты его жены, и кареты, и танцовщицы!

Судьбѣ было угодно показать ему этотъ «кончикъ» — именно сегодня.

Поматываясь и насвистывая арію Радамеса, Петръ Ивановичъ вошелъ въ кабинетъ, махнулъ рукой своему камердинеру и сталъ раздѣваться. Бросая на столъ часы и бумажникъ, онъ вдругъ поблѣднѣлъ: на столѣ лежалъ ключъ... ключъ отъ его шифоньерки, гдѣ, въ одномъ изъ потайныхъ ящичковъ, лежали компрометирующія его письма и бумаги.

— Sapristi! Можно ли быть до такой степени неосторожнымъ! Хорошо еще, что Катя уѣхала; а если бы она не уѣзжала... нашла бы ключъ... отворила бы секретный ящичекъ... взяла бы письма и прочла ихъ?

Петръ Ивановичъ почувствовалъ, какъ у него волосы попробовали слегка приподняться.

Слава Богу! Все спасено: ключъ забыть, но онъ такъ тутъ, на столѣ, и пролежалъ, никѣмъ незамѣченный.

Теперь вопросъ, вотъ въ чемъ: попадетъ ли сюртукъ прямо на диванъ, или Петръ Ивановичъ промахнется и сюртукъ угодитъ на коверъ? Нужно прицѣлиться... Разъ, два... три! Сюртукъ шлепнулся на коверъ. А вѣдь что-то, кажется, стукнуло? Что бы это могло быть? Бинокль — вонъ, — онъ — на столѣ; браслетъ, который Петръ Ивановичъ, шутя, стащилъ у Терезы? Онъ, уѣзжая, возвратилъ его... Надо обривизовать.

Онъ поднялся съ козетки и поднялъ сюртукъ: да что же это такое? Опять ключъ? Ключъ отъ шифоньерки?!

Петръ Ивановичъ подошелъ къ столу. Ну, да; вотъ они, оба ключа, похожіе одинъ на другой — какъ двѣ капли воды... Однако! Что, если «секретеръ» вскрытъ, и письма похищены и прочтены?... Катя, вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, страшно къ нему притрастается... Ея маманъ больна, а въ сундукѣ этой маманъ — всѣ надежды Петра Ивановича. Теперь, вѣдь, что можетъ быть: маманъ умереть, Катя получить наслѣдство и — удержитъ заградицу, а ты — расплачивайся тутъ съ долгами, какъ знаешь! Мало того: съ любовникомъ поѣдетъ, а ты пледъ

ему подашь въ вагонѣ съ наилюбезнѣйшей улыбкой! Потому — ты у нея въ рукахъ...

Петръ Ивановичъ готовъ былъ заплакать отъ ужаса. Въ вѣрность своей жены онъ давно уже не вѣрилъ, но... они не мѣшали другъ другу, а главное — въ сундукѣ тещи покоились всѣ надежды Петра Ивановича. Жилось ему до сихъ поръ хорошо, и вдругъ!

Онъ отворилъ однимъ ключемъ шифоньерку и снова заперъ ее; потомъ попробовалъ другимъ: отворилась отлично. Вотъ и секретеръ. Нужно закрыть глаза, выдвинуть и — или панъ или пропагъ! Ну-ка, ну...

Письма и бумаги здѣсь: вотъ они, въ зеленоватой обложкѣ. Да, но, можетъ быть, обложка-то та же, да не то уже ея содержаніе?

Весь хмѣль выскочилъ изъ головы Петра Ивановича, когда, вмѣсто своихъ бумагъ, онъ увидѣлъ совсѣмъ другія...

Что-же это были за бумаги? Счетъ отъ ювелира на 300 руб.; счетъ отъ садовника на 164 р. 35 коп.; счетъ отъ ювелира на 760 руб.; отъ модистки — на 680 р.; отъ каретника — на 1.600; отъ мебельщика — на 820; отъ ювелира — на 500; отъ модистки — на 218; отъ модистки — на 312; отъ ювелира — на 485; отъ ювелира, отъ модистки, отъ садовника, отъ модистки, отъ садовника, отъ ювелира... уф! святой Боже, сонъ это, или явь?

Съ полчаса сидѣлъ Петръ Ивановичъ въ своемъ креслѣ — недвижимъ, какъ статуя; брови сдвинуты, углы губъ опущены, въ глазахъ — огонь отчаянія, злобы, чуть не бѣшенства... И вдругъ лицо это стало проясняться: ужасъ смѣнился какимъ-то вопросительнымъ выраженіемъ лица, въ глазахъ засвѣтилась надежда, брови раздѣхались, смотрите — да онъ смѣется!?

Петръ Ивановичъ, дѣйствительно, засмѣялся: онъ подождалъ рѣшительнымъ шагомъ къ заветному шкафчику, заперъ его, спряталъ оба ключа подъ подушку и заснулъ богатырскимъ сномъ.

Проснулся онъ, по обыкновенію часовъ въ 8 и тотчасъ же уѣхалъ. Вернулся — почти къ самому обѣду.

— Барыня не пріѣзжала? спросилъ онъ швейцара.

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Ну, такъ скажи, коли обо мнѣ спросить, что уѣхали, молъ, въ 8 часовъ, и раньше вечерняго чая не будутъ...

— Слушаю-съ.

Петръ Ивановичъ прошелъ прямо къ себѣ въ кабинетъ, открылъ секретный ящикъ, положилъ въ него вчерашніе счета, на которыхъ всюду красовалось «уплачено», и уѣхалъ, оставивъ на столѣ одинъ изъ ключей.

Петръ Ивановичъ вернулся въ назначенное время.

— Барыня пріѣхала?

— Пріѣхали-съ... Кухали дома.

А ну-ка, ну? Въ «секретерѣ» лежали всѣ, до одной, его бумаги, какъ будто ихъ никто и не трогалъ... Ключъ исчезъ.

— Здравствуй, Катя?

— А Петя! Здравствуй, милочка!

— Что это ты... загостилась?

— Да маманъ все не пускала... Ужъ я рвалась, рвалась... Ты, я думаю, безъ меня соскучился?

— И ты еще спрашиваешь, плѣтовка?

О ключахъ между супругами не было и помину.

— Какъ бы я хотѣла, чтобы у всѣхъ моихъ поклонниковъ были золотыя сердца! Какое я бы себѣ сдѣлала изъ нихъ хорошенькое ожерелье!

НОВАЯ РЕКЛАМА.

Къ одному неважному банкиру, дающему во всѣхъ газетахъ ежедневно объявленія, является рослый молодой дѣтина и говорить:

— Не желаете ли вы мнѣ дать объявленіе?

— Вамъ? а развѣ вы что нибудь издаете, любезный?

— Ничего не издаю: я предлагаю вамъ дать объявленіе на меня самого.

— То есть какъ это?

— Очень просто: на голомъ тѣлѣ, на спинѣ и на груди я заставляю живописца написать масляными красками ваше объявленіе.

— Но кто же его увидитъ подъ платьемъ?

— Весь Петербургъ: я — банщикъ.

ОТЪ КОНТОРЫ ЮМОРИСТИЧЕСКИХЪ сборниковъ.

Сборники выходятъ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО, подъ разными названіями.

Слѣдующій № БУДЕТЪ

«КАБИНЕТЪ».

Вышедшіе сборники, въ количествѣ 41 №№, имѣются постоянно на складѣ.

Желающіе получить по почтѣ, какъ вышедшіе, такъ и новыя еженедѣльные сборники, высылаютъ одну семикопѣчную почтовую марку за каждый.

20 сборн. 1 р. съ перес.

Торговцамъ произведеніями печати скидка.

Требованія и деньги адресовать въ книжный складъ Товарищества „Народная Польза“, С.-Петербургъ, Коломенская, № 39.

Проводы «товарища» на временное пребываніе въ замокъ.

Цѣна за строку номінарь
въ 1 отолбецъ 40 коп.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Редакторъ В. Панченко,
Коломен., 32 — изд. Богельманъ.

Газетно-журнальное и книжное агентство
для иногороднихъ

М. А. ЛАКШИНА.

С.-Петербургъ, Поварской пер. д. № 9 кв. 9.

ВЫСЫЛАЕТЪ оптовымъ торговцамъ произведеніями
печати — всѣ безъ исключенія, выходящія въ С.-Петербургѣ
ГАЗЕТЫ и ЖУРНАЛЫ.

ИСПОЛНЯЕТЪ ПОРУЧЕНІЯ по высылкѣ книгъ, бро-
шюръ и проч. произведеній печати, а также сдачу подпис-
ныхъ денегъ во всѣ редакціи періодическихъ изданій.

Исполненіе аккуратное.

Вознагражденіе самое умеренное.

Отвѣтъ на вопросъ.

Главная перхоть способству-
етъ выпаденію волосъ. Сред-
ство, о которомъ вы спраши-
ваете противъ перхоти и вы-
паденія волосъ, пров. ПРУ-
ЖАНА, поступило въ продажу
сравнительно недавно, но мы
уже смѣло рекомендуемъ
его. Мы уже нѣсколько
разъ рекомендовали его въ
письмахъ своимъ подписчи-
камъ, и, судя по последовав-
шимъ отзывамъ, это средство
оказывалось очень полезнымъ.
Настоящія же строки мы по-
мѣщаемъ, рассчитывая на
весь кругъ нашихъ читателей.
Получать можно во всѣхъ
аптекарскихъ магазинахъ. Вы-
сылается два флакона за три
рубля. С. Петербургъ, Садовая,
63. Провиз. ПРУЖАНЪ.

КОНТРАГЕНТЪ

по приему объявленій торго-
выхъ и промышленныхъ фирмъ для
печатанія въ журналѣ

„ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ
АЛЬМАНАХЪ“

М. А. Лакшинъ.

Поварской пер. д. № 9 кв. 9,
въ С.-Петербургѣ.

ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДЫ!

Прищи, веснушки, желт.
пятна, угри.

Уничтожаетъ

КРЕМЪ РЕГИНА.

Пров. Б. З. Холявскаго.

Цѣна 6. 1 р., ½ 6. 50 к.

Главн. скл. аптекар. магаз.
Спб., Вознесенск. пр., 22.

Вниманіе!

СИВЕРСКАЯ.

Въ живописной высокой и сухой Си-
верской Варш. ж. д. въ 400 саж. отъ
ст. продаются въ собств. земельные
участки съ лѣсомъ отъ 50 к. за кв. с. Видъ Сиверск. и планъ бесплатно.
Сегаль, Невскій, 70, кв. 2 (при конт. нотар. Катеринича) ежедн. 10—5 ч.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА.

Вниманіе!

Типографія Товарищества «Народная Польза», Коломенская, 39.